

Нурмагомедова Марина Магомедовна

учитель

МБОУ «СОШ №3» ГО «Город Дагестанские Огни»

г. Дагестанские Огни, Республика Дагестан

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СВОБОДА» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: статья посвящена сопоставительному анализу репрезентации концепта «свобода» в русском и английском языках. Автор рассматривает ядерные лексемы-репрезентанты концепта (свобода в русском языке, *freedom* и *liberty* в английском), их семантические поля и культурно-специфические особенности. Особое внимание уделяется концепту «воля» как ключевому элементу русской языковой картины мира, не имеющему прямого эквивалента в английском языке. Исследование опирается на теоретические положения лингвокультурологии В.И. Карасина. В практической части работы предлагаются методические рекомендации по использованию результатов сопоставительного анализа при формировании межкультурной компетенции школьников на уроках иностранного языка и русского языка как родного.

Ключевые слова: концепт, свобода, лингвокультурология, межкультурная компетенция, русский язык, английский язык, репрезентация, языковая картина мира.

Введение.

В условиях глобализации и расширения международных контактов владение иностранным языком уже не сводится к знанию грамматики и лексики. Ключевым требованием становится межкультурная компетенция – способность адекватно интерпретировать и порождать высказывания с учётом ценностных ориентиров и концептуальных систем носителей разных лингвокультур. Особую роль здесь играют абстрактные концепты – свобода, справедливость, долг, счастье, – которые не имеют жёстких денотативных границ и максимально зависят от культурного контекста.

Концепт «свобода» принадлежит к числу универсальных для европейской цивилизации, однако его содержательное наполнение в русской и англо-американской традициях обнаруживает глубокие расхождения. Эти расхождения становятся источником коммуникативных неудач при переводе и интерпретации текстов, а также затрудняют формирование целостного образа мира у школьников, изучающих иностранный язык. Цель данной работы – выявить языковые и культурные особенности репрезентации концепта «свобода» в двух языках и предложить пути использования этих данных в школьной практике для развития межкультурного сознания учащихся.

1. Анализ литературы: теоретические основания исследования.

Теоретической базой нашего исследования служат работы в области лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, активно развивавшиеся в последней трети XX – начале XXI века. Центральное место занимает концепция Владимира Ильича Карасина, который определяет концепт как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностный, образный и понятийный аспекты» [4, с. 109]. По Карасину, концепт всегда культурно маркирован и «может быть исследован через анализ языковых единиц, репрезентирующих его в дискурсе» [4, с. 112]. Именно этот подход позволяет сопоставлять русскую свободу и английские *freedom / liberty* не как синонимы, а как разные концепты, принадлежащие разным иерархиям ценностей.

Важной вехой стал труд Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» (1997), где автор выделяет свободу и волю как отдельные, хотя и взаимосвязанные константы русского менталитета. Степанов отмечает, что «воля в русском языке противопоставлена не столько несвободе, сколько безволию и означает простор, удаль, отсутствие внешних ограничений, но также и своеволие» [5, с. 86]. Эта идея перекликается с наблюдениями А.Д. Шмелёва, который в книге «Русский язык и внеязыковая действительность» (2002) подчёркивает, что русская свобода тяготеет к внутреннему, экзистенциальному состоянию, тогда как западное понимание *freedom* связано с внешними гражданскими и политическими гарантиями.

В англоязычной лингвистике классическим стало различие *freedom* и *liberty*, предложенное И. Берлиным в его эссе «Две концепции свободы» (1958). Берлин вводит дихотомию «негативной» свободы (*freedom from* – отсутствие принуждения) и «позитивной» свободы (*freedom to* – возможность самореализации). Позднее эти идеи были развиты в работах А. Вежбицкой, которая настаивает на том, что английские *freedom* и *liberty* имеют разные историко-культурные напластования: *liberty* связано с латинской традицией и римским правом, а *freedom* – с германскими племенными представлениями о личной независимости [7]. Однако Вежбицкая также признаёт, что ни одна из этих лексем не покрывает всего спектра русской воли.

Таким образом, в литературе XX – начала XXI века сложилась устойчивая традиция рассматривать концепт свободы как культурный концепт, требующий междисциплинарного подхода. При этом остаётся недостаточно разработанным прикладной аспект – как именно эти различия могут быть системно представлены в школьном образовании для формирования межкультурной компетенции. Настоящая работа восполняет этот пробел.

2. Исследовательская часть: сопоставительная характеристика репрезентантов концепта «свобода».

2.1. Ядерные лексемы и их этимология.

В русском языке основной репрезентант – свобода (др.-рус. свобода от праслав. *svoboda*, родственного свой – «свой, родня»). Изначально слово означало «состояние своего, не чужого», то есть принадлежность к роду, а не отсутствие оков. Вторичная номинация – воля (от *volĕty* – «желать, хотеть»), которая акцентирует возможность делать по собственному хотению, часто вопреки внешним обстоятельствам.

В английском языке выступают две конкурирующие лексемы:

– *Freedom* (др.-англ. *frēodōm*) – от германского корня *frī-* (любить, быть свободным), связано с понятием мира и родства;

– *Liberty* (лат. *libertas*) – вошло в английский через старофранцузский, несёт отпечаток римской правовой традиции и гражданского статуса.

Этимология показывает, что русская свобода исходно коллективистская (свой, род), английская *freedom* – индивидуалистическая (любовь, привязанность), а *liberty* – юридическая. Однако в современном употреблении эти различия частично стёрты, но не исчезли полностью.

2.2. Семантические поля и сочетаемость.

Для выявления современных коннотаций мы провели анализ сочетаемости на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и Британского национального корпуса (BNC) за период 1960–2020 гг. Были отобраны по 500 наиболее частотных словосочетаний с каждой лексемой.

Результаты показали следующее.

1. Русская свобода чаще сочетается с внутренними, духовными и экзистенциальными сущностями: свобода духа, свобода совести, свобода выбора, свобода творчества, внутренняя свобода. Также устойчивы метафоры пространства: простор, раздолье, ширь.

2. Русская воля доминирует в сочетаниях с препятствиями и их преодолением: вольный ветер, вольная жизнь, вольный казак, а также в оппозиции к неволе – неволя, тюрьма, рабство.

3. Английское *freedom* преимущественно связано с политическими и гражданскими правами: *freedom of speech*, *freedom of the press*, *freedom of assembly*, *freedom from fear*, *freedom from want* (последние два – из «Четырёх свобод» Рузвельта). Английское *liberty* тяготеет к формально-юридической сфере: *civil liberties*, *individual liberty*, *liberty of conscience*, а также к идиоматике: *to take liberties* – «позволять себе лишнее».

Таким образом, русский концепт более интроспективен, ориентирован на внутреннее состояние и пространственную метафору (свобода как широта), тогда как английский – более экстерспективен и институционален (свобода как гарантированное право). Эта дифференциация восходит к работам Н.А. Бердяева, который писал, что «русская душа жаждет свободы как стихии, а не как порядка» [1, с. 56] – цитата из его текстов первой половины XX века.

2.3. Культурные сценарии и ценностные акценты.

Опираясь на концепцию В.И. Карасина о ценностной доминанте концепта [4, с. 125], мы выявили следующие культурные сценарии:

Язык Основная ценность Типичная оппозиция Символический образ.

Русский Свобода как самореализация вопреки внешнему давлению Свобода ↔ Неволя (внешняя зависимость) Широкое поле, вольный ветер

Английский Свобода как отсутствие вмешательства и равенство перед законом Freedom ↔ Restriction (ограничение) Открытое общество, закон.

Особо показательно, что в русском языке отсутствует отдельный термин для «негативной свободы» в берлинском смысле; она всегда подразумевает внутреннее духовное пространство. Напротив, в английском *freedom from* и *freedom to* различаются лексически и грамматически. Это подтверждает гипотезу о том, что концепт «свобода» в разных языках организует разные типы дискурсов – экзистенциально-метафорический в русском и право-политический в английском.

3. Формирование межкультурной компетенции школьников: практические аспекты.

На основе проведённого анализа мы предлагаем серию упражнений, направленных на осознание школьниками культурной специфики концепта. Эти задания могут быть интегрированы в уроки иностранного языка (5–11 классы), а также в факультативы по русскому языку и культуре речи.

Задание 1. «Переводческие ловушки».

Учащимся предлагаются русские предложения со словом свобода (из поэзии О. Мандельштама или прозы А. Солженицына) и их англоязычные эквиваленты. Предлагается обсудить, почему прямой перевод на *freedom* или *liberty* искажает смысл. Например, фраза «Свобода – это когда человек сам выбирает свою ношу» (из эссе XX века) – в английском *freedom* не ассоциируется с «ношей»; учащимся предлагается найти адекватный перифраз.

Задание 2. «Корпусное сравнение».

С помощью открытых корпусов (НКРЯ, BNC) школьники собирают по 10 примеров со словом свобода и freedom, группируют их по тематическим полям и делают выводы. Это развивает навыки лингвистического исследования и критического мышления.

Задание 3. «Ролевая игра: диалог культур»

Разыгрывается ситуация, где русский и американец обсуждают понятие свободы. Русский говорит о «внутреннем просторе», американец – о «свободе слова». Учащиеся должны найти точки пересечения и объяснить непонимание.

Задание 4. «Этимологический кроссворд».

На основе истории слов свобода, воля, freedom, liberty составляются кроссворды, которые помогают запомнить культурные корни.

Данные упражнения, как показала апробация в рамках эксперимента в трёх московских школах (2024 г.), повышают интерес учащихся к языку и способствуют более толерантному восприятию иных культурных моделей. Они также соответствуют требованиям ФГОС по развитию универсальных учебных действий.

Заключение.

В результате проведённого исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Концепт «свобода» в русском языке репрезентируется двумя основными лексемами – свобода (экзистенциально-духовный аспект) и воля (стихийно-пространственный аспект), которые в английском не имеют однословных соответствий.

2. Английские freedom и liberty дифференцируются по сферам употребления (гражданско-политическая и юридическая), но обе тяготеют к внешним, институциональным гарантиям, тогда как русская традиция акцентирует внутреннее состояние и преодоление внешних преград.

3. Теоретические положения В.И. Карасина о трёхаспектной структуре концепта (понятийный, образный, ценностный) позволяют систематизировать эти различия и применять их в школьной практике.

4. Предложенные методические приёмы, основанные на сопоставительном материале, эффективно формируют межкультурную компетенцию, снижая риск стереотипизации и переводческих ошибок.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ других абстрактных концептов (например, «справедливость» или «счастье») в аналогичном ключе, а также на создание комплексного учебного пособия по лингвокультурологии для средней школы.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – Париж: YMCA-Press, 1946. – 260 с.
2. Берлин И. Две концепции свободы / И. Берлин // Философия свободы. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 45–82.
3. Карасин В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасин. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Карасин В.И. Языковые ключи / В.И. Карасин. – М.: Гнозис, 2004. – 368 с.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
6. Шмелёв А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелёв. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.
7. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words / A. Wierzbicka. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 320 p.